© Самдан Зоя Баировна
 Тувинский институт гуманитарных исследований
 при Правительстве Республики Тыва
 Кызыл, Россия
 samdan-sn@yandex.ru

ОБРАЗЫ ТЕОГОНИЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ САКРАЛЬНЫХ ВОЗЗРЕНИЙ ТУВИНЦЕВ И БУРЯТ

Аннотация. Автор статьи на материале текстов тувинского и бурятского фольклора анализирует образы теогонической мифологии тюрко-монгольских народов. Исследование этих образов приобретает особую актуальность в настоящее время в связи с возрастающим интересом современного общества к древним истокам традиционной культуры народов-кочевников, которая представляет прочную основу для укрепления их духовных святынь. Новизна данной работы заключается в том, что автор с помощью сравнительно-исторического и герменевтического методов исследования впервые предпринимает попытку выявить некоторые тувинско-бурятские параллели в системе образов теогонической мифологии: Көгелдей-Мерген — Хухэдэй Мэргэн; Дадай — Татай; Хамнаарак — Булжамуур. В результате анализа автор приходит к выводу, что эти образы восходят к общему мифологическому истоку в сакральной традиции тюрко-монгольских народов, в основе которой лежит тэнгрианская идея — идея Неба как верховного сакрального начала.

Ключевые слова: тюрко-монгольская мифология, тувинско-бурятские параллели, теогонические образы.

Zoja B. Samdan
*Tuvan Institute for Humanitarian Research
 under the Government of the Republic of Tuva
 Kyzyl, Russia*

IMAGES OF THEOGONIC MYTHOLOGY IN THE CONTEXT OF THE SACRED VIEWS OF TUVANS AND BURYATS

Abstract. The author of the article analyzes the images of the theogonic mythology of the Turkic-Mongol peoples based on the texts of Tuvan and Buryat folklore. The study of these images is of particular relevance at the present time, in connection with the growing interest of modern society to the ancient origins of the traditional culture of nomadic peoples, which provides a solid basis for strengthening their spiritual shrines. The novelty of this work lies in the fact that the author, using comparative-historical and hermeneutic research methods, for the first time attempts to identify some Tuvan-Buryat parallels in the system of images of theogonic mythology: Kogeldey-Mergen — Khuheday Mergen; daday — Tatay; Hamnaarak — Bulzhamuur.

As a result of the analysis, she comes to the conclusion that these images go back to a common mythological source in the sacred tradition of the Turkic-Mongol peoples, which is based on the Tengrian idea — the idea of Heaven as the supreme sacred principle.

Keywords: Turkic-Mongolian mythology, Tuvan-Buryat parallels, theogonic images, Khuheday Mergen, Tatay, Bulzhamuur.

Центральноазиатский центр зарождения письменности и эпоса, к которому тувинцы были приобщены в силу исторических условий, наряду с Саяно-Алтайской эпической общностью, играет важную роль в изучении их мифологического наследия. У тувинцев в устной форме существовало немало эпических произведений, проникших из монгольских письменных источников [Туденов, 1986: 84-104]. Среди них имеются оригинальные версии «Гэсэриады», «Повести о Ханхарангуе», «Джангара» [Аранчин 1976; Куулар 2000].

Имеющиеся источники и труды ученых по мифоэпическому наследию тюрко-монгольских народов Саяно-Алтайского и Центральноазиатского регионов открывают широкие возможности для исследования их древнейших общих основ. Сравнительный анализ мифологических образов в мифоэпической традиции народов данного ареала широко представлен в трудах С.Ю. Неклюдова, Б.С. Дугарова и др. Конкретно тувинско-бурятские параллели в тюрко-монгольской мифологии, в частности сходные мотивы в системе теогонических образов, еще не были объектом специального исследования. В данной статье впервые предпринимается попытка выявить тувинско-бурятские параллели в некоторых образах теогонической мифологии в контексте сакральных воззрений этих народов.

В пантеоне архаических божеств в мифологической традиции народов данного ареала особое место занимает персонаж тюрко-монгольского фольклора, выступающий в роли громовника. В фольклорно-мифологической традиции как монгольских, так и тюркских народов адекватная обозначенность имени громовника — тув. Көжелдей-Мерген и бур. Хухэдэй Мэргэн — свидетельствует о единой семантической основе данного образа [Неклюдов 1980: 149]. Наиболее ярко это выражено в широко распространенном этиологическом сюжете о происхождении созвездия Орион (монг. Гурбан Марал, тюрк. Үч Мыйгак), в котором в качестве героя фигурирует Көгелдей-Мерген.

В мифах тюрко-монгольских народов о небесных светилах считается, что звезды Ориона (Үч Мыйгак — «Три маралухи») — маралухи, вознесшиеся на небо, спасаясь от охотника, пустившего в них две стрелы и вместе с ними поднявшегося в небо. В другом варианте одну из звезд считают собакой охотника, другую — стрелой, третью — беркутом, а звезды пояса Ориона — тремя маралухами [Мифы народов мира. Т. II 1998: 172, 539].

Семантика имени Хухэдэй Мэргэна, как отмечает Б.С. Дугаров, в фольклорно-мифологической традиции тюрко-монгольских народов, означающие *хүхэ* — «небо», *мэргэн* — «стрелок, меткий», «мудрый», «одаренный», имеет генетическую связь с концепцией неба» [Дугаров 2007: 209-210]. В бурятской эпической традиции, по его утверждению, Хухэдэй Мэргэн кроме того, что имеет культовую характеристику в качестве бога-громовержца, покровителя охотников и воинов, выступает также в роли небесного первопредка: «В эпической интерпретации функция истребителя сил зла составляет ядро образа небесного героя — прототипа Гэсэра на бурятской улигерной почве, содержащего концепт сына неба, присущий центральноазиатскому эпическому континууму» [Дугаров 2007: 227].

В тувинских космогонических мифах о небесном громовержце, созвездии Орион (Үш-Мыйгак) содержатся элементы почитания звезд, которые, очевидно, связаны с промысловыми обрядами. На небо свободно поднимаются и люди, и звери. Охотник, начав охоту на оленей на земле, поднимается вслед за ними на небо. Космический охотник Көгелдей-Мерген иногда называется именем Оскюс-оол, популярного эпического и сказочного героя, являющегося защитником людей Среднего мира [Мифы, легенды, предания тувинцев 2010: 42-43].

Таким образом, сходство образов Көгелдей-Мергена и Хухэдэй Мэргэна свидетельствует об их единой семантической основе и генетической связи с концепцией неба в сакральной традиции тувинцев и бурят.

Образ бога-громовержца в тюрко-монгольской мифологической традиции также связан с образом древнего божества Татай, владельца небесного града. Г.Н. Потанин на основе поверий и сказаний племен Южной Сибири и Северной Монголии определил значимость бога грозы и молнии в жизненно важных аспектах как «творца благосостояния скотоводческих племен, покровителя скота, семьи и детей» [Потанин 1882: 288, 297]. Как божество грома и молнии Громовник прежде всего связан с небесным градом и дождём, которые он ниспосылает на землю.

Выразительный портрет бурятского Хухэдэй Мэргэна Б.С. Дугаров находит в разных вариантах шаманских призываний:

С грохочущим звуком «тад»,
С чашу величиной градом,
С ударным звуком «тус»,
С блюдо величиной градом,
Царственной молнии и грома тэнгри –
Хухэдэй Мэргэн!

[Цитируется по Б.С. Дугарову 2007: 208; Балдаев, № 577 /837 / 479 / 837), с. 9].

В данном примере, на наш взгляд, интересно обратить внимание на обозначение звука «тад», который можно объяснить, как основу к этимологии имени божества Татай. Возглас «Дадай!» («Ии-дадай!», «Дадайым!»), выражающий в тувинском языке испуг, который восходит к имени древнего божества Татай, владельца небесного града, сохранился как отголосок бытовавшего в прошлом пантеона мифологических божеств у предков тувинцев. Н.А. Алексеев божество Татай, считающееся хозяином града, грома и дождя, отмечает в числе божеств телеутов, киргизов, бурят и якутов. Его он относит к древнему общетюркскому пантеону, сформировавшемуся в X в. — времени отхода киргизов и якутов от основной массы тюрков Южной Сибири.

На основе сохранившегося у бурят восклицания «О татай!» Т.М. Михайлов сделал вывод, что Татай почитали общие предки тюрков и монголов [Михайлов 1980: 173]. Однако Н.А. Алексеев

существование реликта почитания Татая у бурят относит к тюркскому компоненту их предков. Возражая Т.М. Михайлову, он считает, что лишь при обнаружении у других монголоязычных народов элементов почитания Татая, можно будет считать его божеством общих предков тюрков и монголов [Алексеев 1984: 217].

Как видим, почитание божества Татай и у тувинцев, и у бурят сохранилось в форме восклицания. Наличие в бурятских шаманских призываниях о Хухэдэй Мэргэне компонента имени «*тад*» как обозначения звукоподражания, определяющего семантику имени божества небесного града свидетельствует об общности древних основ тюрко-монгольских образов Хухэдэй Мэргэна и Татая, восходящих к тэнгрианским воззрениям.

Интерпретация образа небесного жаворонка — бур. Булжамуур и тув. Хамнаарак (древнее название Бокшурга) — представляет, на наш взгляд, большой интерес в системе теогонических образов в мифопоэтической традиции тувинцев и бурят. Семантику образа небесного жаворонка в контексте сакральной традиции бурят Б.С. Дугаров детально исследовал в монографии о небесном прологе бурятской Гэсэриады [Дугаров 2005: 156-183]. Древний поэтический миф бурят о небесной птице Булжамуур, исцеляющей дочь Солнца, является, по мнению ученого, прелюдией ко всему прологическому действию и пониманию мифологических основ бурятской Гэсэриады [Дугаров 2005: 156]. В результате анализа мифа о Булжамуур в контексте эпического пролога Гэсэриады и шаманских призываний, Б.С. Дугаров заключает, что «поющий небесные гимны жаворонок содержит в своем образе элемент сакрализации поэтического слова. Его выразителями в устной традиции были рапсоды, поэты-сказители и шаманы» [Дугаров 2005: 168]. Анализ образов небесного жаворонка, шамана, сказителя Б.С. Дугаровым подводит нас к мысли, что их близость, как избранных тэнгри, хранителей духа, жизненной силы, посредников между Верхним миром и людьми, заключается в общности их магической, целебной и певческой функций.

Аналогия образа небесного жаворонка с синкретическим образом шамана и сказителя, пожалуй, более всего сближает сакральную традицию бурят и тувинцев. Бытование и постепенная трансформация такого феноменального явления в исполнительской традиции тюрко-монгольских народов, как синкретический тип исполнителя, сохранялся до недавнего времени в устной традиции тувинцев [Самдан 2016: 78-93].

В давние времена, когда преобладал кочевой охотничий и скотоводческий уклад жизни, у тувинцев также, как и других народов Сибири, в том числе бурят, древний образ певца часто объединял в одном лице сказителя, шамана-прорицателя, а иногда и музыканта.

Происхождение шаманов и сказителей объединяла единая мировоззренческая основа, связанная с идеей избранничества. Подчеркивая посредническую функцию шамана, Т.М. Михайлов пишет: «Шаманы как посредники между верующими с одной стороны, и сверхъестественными силами — с другой, считались избранными неба или бога» [Михайлов 1987: 94].

На основе мифологемы птицы, олицетворяющей синкретический образ певца, Б.С. Дугаров особо пристальное внимание уделил любопытной параллели между образами этой птицы и шамана. Большой интерес для нас представляет его тонкое наблюдение, подметившего связь между тувинскими названиями шамана *хам* и жаворонка *хамнаарак*. Он приводит комментарий известного тувинского фольклориста Д.С. Куулара о том, что *хамнаарак* — это образное название птицы, напоминающей своими частыми взмахами крыльев шамана, приходящего в экстаз, во время самозабвенного пения. Исходя из этого комментария, Б.С. Дугаров заключает, что *хамнаарак* означает на тувинском языке «шаманствующая птица» или «птица, подобная шаману» [Дугаров 2005: 167]. В этом образном наречении жаворонка, на наш взгляд, их природная наблюдательность, своеобразие образного мышления и отражены ментальная особенность психологии тувинцев.

Ассоциируя порхание птицы с шаманским камланием и шаманским костюмом из птичьих перьев, а также с образом вдохновенного певца, Б.С. Дугаров выводит через концепт небесного жаворонка органическую взаимосвязь творческого начала и сакральной традиции. Он пишет: «Полисемантическая природа образа Булжамуура проявляется в его фигуральной соотнесенности с функционально-ритуальной характеристикой шамана. Певческий дар небесной птицы и ее вдохновенное пение демонстрирует еще одну грань концепта жаворонка, которая выражает сакрализацию поэтического слова и творчества, объединяющего поэта с жрецом» [Дугаров 2005: 182].

Осмысление бурятского мифа о небесном жаворонке, представленное Б.С. Дугаровым в мифопоэтической интерпретации, а также параллели между образами *хамнаарак* и синкретичным образом шамана позволяет сделать вывод о том, что они между собой тесно связаны и восходят к общему мифологическому истоку в сакральной традиции тюрко-монгольских народов.

Таким образом, вышеприведенный анализ образов теогонической мифологии тюрко-монгольских народов показывает, что в сакральных воззрениях тувинцев и бурят много общего. Полисемантичесность теогонических образов, отраженная во многих мифологических текстах, свидетельствует о древнем общем генезисе данных образов. В фольклорно-мифологической традиции как монгольских, так и тюркских народов, в данном случае бурят и тувинцев, отражена тэнгрианская идея — идея Неба как верховного сакрального начала.

Сакральные воззрения тувинцев и бурят, основанные на их религиозно-мифологических представлениях, ждут дальнейшего исследования. Еще предстоит обратить внимание на такие общие образы и символы теогонической мифологии тувинцев и бурят, как, например, божества: Мөңгө Көк Дээр — Хүхэ Мүнхэ тэнгри, Курбусту — Хормуста; *священные горы*: Саяны — Мунку Сардык, Көгөй — Хүхэй; *священные озера*: Бай-Хөл — Байкал, Көпсө-Хөл — Хубсугул и т.д.

Общность древних основ мифологической традиции тувинцев и бурят объясняется частыми передвижениями кочевников и длительными контактами их предков с проживающими в соседстве с монголами и другими тюрко-монгольскими племенами в составе одних государственных образований, сходством хозяйственного уклада, материальной и духовной культуры.

Литература

- Алексеев Н.А. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири (опыт ареального сравнительного исследования). Новосибирск, 1984.
- Аранчын Ю.Л. Эгэ чүүл (Предисловие) // Эрниц экизи Хан-Харангуй (Добрый молодец Хан-Харангуй). Монгольское народное сказание / Пер. с монг. на тув. Ю.Л. Аранчына. Кызыл, 1976.
- Дугаров Б.С. Бурятская Гэсэриада: небесный пролог и мир эпических божеств. Улан-Удэ, 2005.
- Дугаров Б.С. Мифология бурятской Гэсэриады: Западные Тэнгрии. Улан-Удэ, 2007.
- Куулар Д.С. Тувинский фольклор в контексте центральноазиатских устно-поэтических традиций: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Улан-Удэ, 2000. 46 с.
- Мифы, легенды, предания тувинцев / Сост. Н.А. Алексеев, Д.С. Куулар, З.Б. Самдан, Ж.М. Юша. Новосибирск, 2010.
- Мифы народов мира: энцикл.: в 2 т. / Гл. ред. С.А. Токарев. М, 1998. Т. II. К.Я.
- Михайлов Т.М. Из истории бурятского шаманизма. Новосибирск, 1980.
- Михайлов Т.М. Бурятский шаманизм: История, структура и социальные функции. Новосибирск, 1987.
- Неклюдов С.Ю. Мифология «Джангара» и проблема формирования памятника // «Джангар» и проблема эпического творчества тюрко-монгольских народов. М., 1980.
- Потанин Г.Н. Громовник по поверьям и сказаниям племен Южной Сибири и Северной Монголии // Журн. Министерства народного просвещения. Часть LXXIX. СПб., 1882.
- Самдан З.Б. Миф в фольклорной традиции тувинцев: (формы бытования, сюжетный состав, система персонажей). Новосибирск, 2016.
- Туденов Г.О. О зональной общности формирования эпоса народов Центральной Азии и Южной Сибири // Культура Монголии в средние века и новое время. Улан-Удэ, 1986. С. 84-104.